

Артём Гармашов

ТЕНЬ ОТСУЩНИКА

Отказ от власти — единственная свобода.

18+

цикл тёмного фэнтези

Артём Гармашов
Тень Отступника

«Автор»

2026

Гармашов А. Д.

Тень Отступника / А. Д. Гармашов — «Автор», 2026

Его дар — Тьма. Его проклятие — потеря контроля. Нар'миир, офицер тяжёлой конницы, служит системе, где честь заменили эффективностью. Долги, унижения и приказы, от которых тошнит, — цена за право носить синий плащ. Настаёт момент, когда он решает его сорвать. Сжечь мосты. Но мир за воротами казармы не ждёт отставного тархана. Три дня поисков — три отказа. Большая семья его возлюбленной Малис требует денег, которых нет. И когда старый друг предлагает сделку, Нар'миир соглашается — и ступает на дорогу, где грань между наёмником и преступником стирается. Задание простое на первый взгляд: найти грабителей зерновых караванов. Но следы ведут всё выше — к торговцам, магам и послам, чья жизнь стоит целое состояние. А Тьма внутри нарастает, угрожая вырваться и поглотить всё, что ему дорого. «Тень отступника» — первый том из цикла о падении, где отказ от власти — единственная свобода.

© Гармашов А. Д., 2026

© Автор, 2026

Артём Гармашов

Тень Отступника

Пролог - Пусть Ненавидят

03.06.935 Эпохи «Совета десяти».

Шаги за дверью замерли. Стук.

Лейфар Таранис не вздрогнул — он уже давно не вздрагивал. Рука сама нашла рукоять — там, где меч пролежал четыреста лет, — не дожидаясь команды. Пальцы сжали кожаную оплётку, но тут же разжались. Убийца не стал бы стучать.

Стук повторился — три коротких, глухих удара.

Правитель смотрел на дверь — за окованным деревом ждал тот, кому не позволено входить без спроса.

В углу комнаты, у стены, застыл молодой тёмный эльф. Спина прямая, лицо — гладкое, как не начатая страница. Виночерпий. Лейфар кивнул — и тот чуть заметно склонил голову.

— Пусть ждёт, — голос не громче шёпота. — Откроешь, когда я скажу.

Рассвет вползал в комнату неохотно — тусклый, тяжёлый, как решения, которые не готовы претвориться в жизнь. Он ложился на карту, расчерченную границами, на серебряные кружки, что теснились у краёв, на пустоту между ними — туда, где кончалась власть и начиналась чужая воля.

Воздух пах застоявшейся бумагой и воском — запахом карт, которые не использовали годами, но каждый раз перекладывали с места на место.

Старый эльф перевёл взгляд от карты к шкафчику из тёмного дерева, что стоял в углу, притёртый к стене так плотно, что, казалось, врастал в камень. Он провёл ладонью по прохладному стеклу, по шершавым пробкам, по сухой пыли на горлышках. Пальцы сами нашли бутылку с потемневшим от времени стеклом, с этикеткой, истлевшей почти до неузнаваемости. Правитель кивнул виночерпию.

Тот бесшумно подошёл, откупорил, протянул ему. Таранис взял, ощутив неровность старого стекла, и только потом поднёс к лицу. Вдохнул. Терпкий аромат осени, которую он помнил и которая уже никогда не наступит.

Виночерпий перелил вино в кувшин, но правитель не спешил — вино нужно дать подышать.

Он снова посмотрел на карту. Граница между его владениями и землями светлых эльфов чернела тонкой, прерывистой линией. Серебряные армии стояли напротив золотых по границе — его и чужие. Слишком близко. Слишком много. Старый эльф взял одну из своих — тяжёлую, холодную — и перенёс к столице.

— Однажды они поймут, — сказал он пустоте.

Голос прозвучал тише, чем он хотел.

Он махнул рукой. Виночерпий наполнил бокал — ровно на палец — поставил на край стола и замер с кувшином в руке.

Таранис кивнул на дверь:

— Хватит Аральду ждать.

Мальчишка скользнул к выходу. Щёлкнул засов. Дверь отворилась.

Аральд вошёл не сразу. Секунду он ждал, пока его заметят, пока признают. Потом переступил порог. Жёлтая мантия в тусклом свете казалась серой, лицо — измождённым, с резкими тенями. Линзы на цепочке дрогнули, когда он склонился в поклоне.

— Мой Лейфар.

Таранис не ответил. Он смотрел на карту, на армии, на бокал, который ждал, когда его наконец отопьют. Перевёл взгляд на Аральда.

— Претендент. Определился? — спросил он, не оборачиваясь.

— Да, мой Лейфар. Им стал — Аральд потянулся к свитку.

Правитель провёл пальцем по краю бокала, собирая капли.

— Без имён.

Аральд сглотнул.

— Не хочу знать, против кого выходить на арену, — сказал Таранис. — Имя не изменит того, что мне придётся сделать. Зачем знать того, кого придётся убить? Или того, кто оборвёт мою жизнь.

Аральд не ответил. Он смотрел на спину лейфара, на то, как чуть дрожащие пальцы гладили серебро бокала.

— Вы устали, — сказал Аральд. Это был не вопрос.

Таранис медленно повернулся. Веки были тяжёлыми, глаза резало, будто в них насыпали песка. Он посмотрел на Аральда — и тот опустил глаза.

— Устал... Но это не значит, что я готов проиграть.

— Я могу избавить вас от неопределённости, — голос Аральда сжался до шёпота. — Ритуал не терпит случайностей. Если вы позволите

— Что? — перебил Таранис. — Убрать претендента до того, как он ступит на арену? Подстроить исход?

Аральд молчал.

— Моя совесть, — он продолжил медленно, растягивая слова, будто пробовал их на вкус, — позволит разве что утвердить собственную смерть. Но это вряд ли кого-то устроит.

Он отвернулся к карте. Аральд стоял, не двигаясь. Тишина сделалась такой плотной, что у Тараниса зазвенело в ушах.

— Мой Лейфар ваши приказы в последнее время они словно от эльфа, который перестал ждать завтрашнего дня.

Таранис усмехнулся — сухо, без тепла.

— Ты хочешь спросить, хочу ли я умереть? Мог бы спросить прямо.

Аральд опустил глаза.

Старый эльф смотрел на бокал. Перевёл взгляд на карту, на кружки у границ. Взял бокал, едва смочил губы. Поставил обратно.

— Я готов умереть, — сказал он. — Но не сейчас. Мой народ не готов.

Поднялся, накинул мантию — руки привычно затянули застёжки. Кивнул виночерпию, и тот бесшумно скользнул к выходу, открывая дверь.

Коридор тянулся долго. Своды над головой терялись в сером рассветном полумраке, шаги нукеров — четыре пары сапог — отдавались глухим эхом, отсчитывая каждый шаг лейфара. Сырость камня пробиралась сквозь подошвы, занемели ступни.

Аральд шёл чуть сзади и справа — место, которое он занимал последние сто лет, и которое никогда не казалось ему привычным.

— В казармах произошёл инцидент, — начал он негромко. — Три дня назад. У молодого тархана.

Таранис не замедлил шага, не повернул головы. Только чуть наклонил её, давая знак продолжать.

— Неконтролируемый всплеск ветви тьмы, — Аральд говорил ровно, но пальцы, сжимавшие край свитка, побелели. — Солдаты называют это «аурой страха». Двое упали в обморок. Остальные разбежались.

— Имя.

— Нар'миир. Тархан, вторая сотня, седьмая десятка. — Аральд помедлил. — Его поток нестабилен. Он пытается его контролировать, но

— Но?

— Он не умеет. Или не может. Каждый раз, когда эмоции берут верх, тьма высвобождается. Даже нукеры его боятся. Он сам себя боится.

Таранис остановился. Повернулся к Аральду — веки того дрогнули, пальцы смяли край свитка. Аральд не поднял глаз.

— Сын того самого? — спросил он.

Аральд кивнул.

— Да. Его отец погиб

— Удержав Волчий мост. Сотня против двух тысяч. Лучший уздень на моей памяти! — он понизил тон. — Парень, должно быть, гордится и до сих пор скорбит. А может, и ненавидит меня Я шёл девять дней — челюсти сжались так, что заныли зубы.

— Он верен вам, мой Лейфар. Правда, в наследство мальчишке досталось только худородное имя и дар, с которым тот не знает, что делать. В Великий Конклав его не примут. Я предлагаю направить в орден Неведомого.

Таранис смотрел на него ещё секунду, потом развернулся и пошёл дальше. Аральд не видел его лица, но заметил, как пальцы лейфара сжались в кулак и тут же разжались.

— Наблюдать, — отрезал он, не оборачиваясь. — Не вмешиваться. Если не выдержит — мы потеряем простого тархана. Если выдержит он станет сильнее, чем мы думаем. И поможет в грядущем.

— Грядущем? — Аральд шагнул ближе, почти поравнялся. — Вы знаете, что грядёт?

— Я знаю, что страх ломает слабых, — ответил лейфар. — А сильных закаляет.

Они вышли на террасу. Ветер ударил в лицо — не просто холодный, а липкий, с мелкими брызгами, которые оседали на губах солью. Город просыпался.

Внизу, перед двумя линиями высоких стен, столица раскинулась как живой организм: паутина улиц, квадраты крыш, дым, ровными столбами поднимающийся из труб мастерских. Дальше, за стенами, уходили к горизонту пастбища — необъятные, пустые, ждущие. Ещё дальше, у самых гор, — арена. Круглая, выложенная белым камнем, она стояла у подножия, и даже отсюда, с высоты, правитель видел, насколько она пуста.

Он представил, как завтра его ступни будут утопать в песке арены — мелком, въедливом.

Снова. Каждый год. В этот день.

Старый эльф долго смотрел на арену. Потом перевёл взгляд ниже, туда, где за внутренней стеной на плацу уже строились первые шеренги. Солдаты. Его солдаты. Их было больше, чем нужно для защиты, но меньше, чем нужно для войны. Он считал их не глазами — чем-то другим, что жило в нём столько лет, что он перестал давать этому имя.

— Среди народа ходят гневные шёпоты, — голос Аральда стал тише, будто он не хотел, чтобы его слышали. — Жестокость последних указов многие её не понимают.

Таранис молчал.

— Другие сомневаются, — продолжал Аральд. — Отказ от союза с новым лейфаром светлых эльфов они считают это ошибкой.

— И что ты предлагаешь? — спросил правитель. Голос его был ровен, почти спокоен.

Аральд помедлил. Пальцы сжали свиток.

— Самые громкие — полукровки. Вероятно, агенты светлых, — сказал он наконец. — Показательные порки и аресты зачинщиков. Нескольких громких имён будет достаточно. Это даст необходимое время. Если не усмирить этих сегодня, завтра и остальные начнут ненавидеть. А когда ненависть перерастает в действие, последствия предсказать невозможно.

Таранис повернулся к нему.

Аральд не выдержал взгляда и опустил глаза. В тишине, которая длилась слишком долго, слышно было только, как где-то внизу кричат чайки да далёкий ровный гул города, знающего, что через день его лейфар снова выйдет на арену.

— Зато не погибнут на чужой бессмысленной войне, — сказал он. — Хойэлион Турон дал понять, что законы Совета Десяти ему безразличны.

Аральд открыл рот, чтобы ответить, и закрыл, не сказав ничего. Он смотрел на спину правителя, на шрамы, что угадывались под воротом рубахи, и не мог найти ни одного возражения, которое не было бы ложью.

Он поклонился.

— Как прикажете, мой Лейфар.

Развернулся и пошёл прочь. На полпути к выходу остановился. Секунду стоял, не оборачиваясь, — будто примерялся, стоит ли говорить ещё что-то, и передумал. Нырнул в тень коридора. Шаги его отдавались от каменных плит всё тише, пока совсем не растворились в шуме пробуждающегося города.

Нукеры, не дожидаясь приказа, отступили к стенам, замерли изваяниями — взгляды вперёд, лица пусты. Они не видели того, что происходило в десятке шагов от них. Или видели, но не то, что было на самом деле.

Правитель стоял на краю террасы, глядя на арену, на плац, на стены, на дым из труб. Ветер трепал его волосы, он не убирал их с лица.

— Главное — живут, — сказал он тихо. Или не сказал — ветер унёс слова раньше, чем они успели родиться.

Таранис стоял на краю, глядя на город. Ветер стих. Лейфар медленно сбросил мантию с плеч — тяжёлая ткань, пропитанная теплом его тела, упала на холодный камень. Волоски на предплечьях чуть приподнялись.

Шея. Плечи. Ключицы.

Шрамы. Старые, белые, — те, что зажили и превратились в рубцы. И свежие — розовые, натянутые, с неровными краями, где кожа ещё не успела смяться в те складки, что скрывают ожоги от чужих глаз. Одни — от меча. Другие — от магии, что била в него на арене каждый год, каждый раз, когда он выходил умирать, чтобы выжить.

Он не оборачивался. Не проверял, видят ли нукеры. Они не видели. Они знали своё дело.

Таранис шагнул к зеркалу. Огромное, в резной раме из чёрного дерева, оно стояло в углу террасы, прикрытое от дождя и ветра тяжёлым пологом. Он отдёрнул ткань.

Стекло было чистым. В нём отражался он — старый, усталый, со шрамами, которые не могла скрыть даже самая плотная ткань. И глаза — тёмно-синие, выцветшие от времени, но всё ещё острые. Он долго смотрел на себя. Потом шепнул:

— Сколько ещё?

Вопрос остался висеть между ним и зеркалом, и зеркало не ответило.

Он не услышал шагов. Фигура уже стояла у стены — высокая, сухая, в чёрной мантии, впитывающей свет. От неё тянуло холодом глубже ветра; старые шрамы на плечах заныли. Нукеры не шелохнулись — их уши были закрыты для того, что не предназначалось живым.

— Ты стоишь на краю, который сам для себя вычертил.

Таранис смотрел в зеркало, и в глубине стекла, за своим отражением, видел другое лицо. Молодое. Острые скулы. И глаза — тёмные, почти чёрные, как омут, в котором вот-вот захлебнётся свет.

— Не пройдёт и года, как Хойэлион Турон возродит эльфийский союз, — голос фигуры был приглушён, будто из-за стены. — Объявит себя Альдром. Он заставит камни плакать эльфийской кровью, если не соберёт их в один кулак. Твои земли — это не граница на карте. Это его будущая рука. Или твоя могила. А твой народ канет в забвение не на чужой войне, а на своей.

Старый эльф молчал.

— Или подготовь преемника, — фигура сделала шаг ближе. Тень её легла на плечо лейфара, и он не стряхнул её. — Того, кто сможет продолжить. Кто сможет сделать верный выбор.

— Мне не нужно готовить преемника, — голос был ровен, почти спокоен. — Мне нужно создать условия, когда достойный решится принять на себя моё бремя.

Фигура замолчала. Ветер, затихший было, снова подул, но не коснулся её — обтекал, будто боялся.

— Если продолжишь то, что начал, — голос её сжался до такого шёпота, что слова приходилось ловить губами, — тебя возненавидят. Знать. Простолюдины. Все. Они не увидят того, что ты видишь. Не поймут того, что ты делаешь. Для них ты станешь тираном, который держит их в клетке, пока спаситель у ворот.

Таранис смотрел в зеркало. В глубине стекла, за его собственным отражением, лицо мальчишки уже исчезло. Остался только он — старый, усталый, со шрамами, которые не заживут никогда.

— Передай Хойэлиону — начал он.

— Он послушает лично, — фигура чуть приподняла голову, и на мгновение из-под капюшона блеснули золотые глаза — холодные, немигающие.

Потом она отступила в тень, и та сомкнулась за ней, как вода над утопленником.

— Пусть ненавидят. Главное — живут. Свободно, — сказал он, глядя в зеркало на то место, где она только что стояла. — Благодарить будут потомки. Когда поймут.

Тишина вернулась на террасу. Нукеры не шелохнулись. Они стояли, как стояли, — взгляды вперёд, лица пусты.

Таранис поднял мантию с пола, накинул на плечи. Ткань скрыла шрамы, ожоги, всё, что не должно было видеть солнце. Он посмотрел в зеркало в последний раз — на себя, старого, усталого, с глазами, которые видели то, что не должно было длиться так долго.

Потом отвернулся и пошёл к выходу. Шаги его отдавались от каменных плит глухо, размеренно, как отсчёт времени, которого оставалось всё меньше.

Он вернулся в покои тем же путём, что и вышел — через коридор, где нукеры всё так же сопровождали его, глядя в пустоту.

Покои встретили его тишиной. Рассвет уже разогнал тени по углам, и комнату заливал ровный серый свет — ни утра, ни дня, то самое время между, когда мир ещё не проснулся, но уже не спит.

Таранис подошёл к столу. Карта лежала там, где он её оставил. Серебряные кружки его армий — у границ, у столицы, на своих местах. Он коснулся одного из них — холодный, тяжёлый, с острым краем. Кружков светлых эльфов напротив стало больше. Или ему только казалось.

Вино в бокале ждало. Он взял его, поднёс к губам. Сделал глоток — медленно, чувствуя, как терпкая жидкость растекается по языку, оставляя послевкусие дуба и времени. Поставил обратно.

Виночерпий застыл у стены, не поднимая глаз. Мальчишка делал вид, что его нет, что он часть мебели, которую не замечают, пока не позовут. Таранис не позвал.

Он перевёл взгляд на карту, на границу, что чернела тонкой, угрожающей линией. Он вспомнил, как пахнет хлеб из пекарен нижнего города. Этот запах доносился до террасы по утрам, когда ветер дул с востока.

— Пусть ненавидят, — сказал он.

Голос прозвучал тихо, почти беззвучно. Виночерпий не поднял головы. Нукеры за дверью не слышали. Только стены, помнившие его отца и деда, могли бы ответить — но они молчали.

Правитель достал из потайного ящика стола три пергамента. Три подписи. Три имени. «Если меня не станет, передайте это тому, кто взял на себя моё время», — ниже дрожащей рукой вывел несколько строк и сунул пергаменты под плащ.

Старый эльф провёл пальцем по краю карты у столицы. Потом взял бокал, допил вино — до дна, не торопясь.

— Главное — живут, — сказал он. — Свободно.

Он выдохнул последнее слово, и дыхание осело на холодном стекле бокала мутным пятном. Поставил бокал на стол. Виночерпий шагнул вперёд — убрать со стола. Таранис на мгновение задержал на нём взгляд. Мальчишка смотрел на бокал. На каплю, оставшуюся на стенке. Не на лейфара — на каплю. И в глазах его было что-то, чего старый владыка не успел прочесть.

Он вышел из покоев, оставляя карту, вино и утро.